

Е. А. Наугольных

ГРАНИ РУССКОЯЗЫЧИЯ В НОВООБРАЗОВАНИЯХ ДЖ. ДЖОЙСА И ИХ МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ

23

Статья посвящена исследованию индивидуально-авторских новообразований Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану», прежде всего тех, что содержат элементы русского языка. Ставится цель раскрыть некоторые словообразовательные особенности лексических окказионализмов писателя и изучить границы их межъязыковой трансляции. На базе морфемного и словообразовательного анализа англоязычных единиц, а также комплексного сопоставительного анализа единиц оригинала и переводов были выделены различные типы и степени индивидуально-авторских новообразований, а также трудности, возникающие при передаче окказионализмов с одного языка на другой. Отмечены такие художественные приемы Дж. Джойса, как регулярное обыгрывание фонетического подобия лексем разных языков, дублирование иноязычного слова в ближайшем контексте, перенос морфологических показателей и т.д. Окказиональные единицы, содержащие элементы других языковых систем, являются наиболее сложными для межъязыковой трансляции и, следовательно, требуют особого внимания со стороны переводчиков. Проанализированы переводы романа на немецкий (Д. Штюдель, И. Горн, Р. Венингер, Ф. Ратхен), русский (А. Рене, А. Волохонский) и испанский (М. Забалоу) языки. Рассмотрены разные стратегии перевода. Продемонстрировано, что межъязыковая трансляция «языковых аномалий» писателя в целом возможна, но в наивысшей степени субъективна. Зачастую требуется радикальная переработка романа, дополненная объемными переводческими комментариями, что неизбежно приводит к созданию вариации на тему первоисточника, а не его переводов.

The paper examines nonce words in James Joyce's Finnegans Wake, particularly those originating from the Russian language. The research aims at defining word-formation patterns of the units in question and studying limitations of their interlanguage translation. Based on morphemic and word-formation analysis of the English deviated lexical units, as well as a comprehensive comparative analysis of the occasional words in the source and target languages, various types and grades of the lexical deviations and translation issues are outlined. The paper reveals certain features – the word-play based on phonetic similarity, repetition of foreign word meaning in a short context, transfer of morphological markers, and others. Being a most challenging phenomenon, interlanguage nonce words cause enormous difficulties in translation and thus require special attention. The full and incomplete versions of Finnegans Wake in German (D. Stündel, I. Horn, R. Weninger, F. Rathjen), Russian (A. Rene, A. Volokhonsky) and Spanish (M. Zabaloy) languages are explored. Various translation strategies are considered. However brilliant the exemplified decisions are, they are predictably subjective. The required transformation of the source text is often radical and added comments are bulky, leading to the creation of the modified version of Finnegans Wake rather than a translation in the true sense.

Ключевые слова: интеръязыковые окказионализмы, полисемантичность, модель словообразования, переводимость.

Keywords: interlingual nonce words, multiple semantic layers, word-formation patterns, translatability.

Введение

Представление о настоящем творчестве всегда метафорично и абстрактно. По аналогии сосуда, наполняемого жидкостью, «художник вливает свои мысли в искусственные стенки звучащих слов» [4, с. 95], определяя тем самым вектор восприятия произведения. Писатель не знает, почему сложилось именно такое словосочетание, но определенная специфическая расстановка слов, их произвольный выбор и особое смысловое наполнение выделяют настоящего мастера слова. Такова общепризнанная психология творчества, согласно ей «замена лишь нескольких слов уже дает новый вариант произведения и поэтому может быть опасна как для читателя, так и для самого писателя и его картины мира» [4, с. 96]. Все вышесказанное особенно справедливо, когда речь идет о творчестве писателей-модернистов и постмодернистов, которые целенаправленно переходят на сторону «языковой антиприродности» [1, с. 296].

Как сообщает целый ряд исследователей романа «Поминки по Финнегану», текст этого произведения не что иное, как «крепкий настой из 150 живых и мертвых языков» [8, с. 100]. Здесь обнаруживаются не только следы привычных европейских корней, но и слова, например, из средневековой латыни и арго ирландских люмпенов. Известно, что сам Дж. Джойс владел 22 языками, в том числе и русским. Имея при этом абсолютный музыкальный слух, писатель видел не мертвое тело слов, а их живые души [2, с. 31]. По сути, «Поминки по Финнегану» были созданы не для чтения, а именно для того, чтобы «смотреть» и «слушать». Роман представляет собой, по словам Ж. Деррида, бесконечное слияние и в то же время сегментацию (*fusion and fission*) лексических и синтаксических структур, постоянное языкотворчество и изобретательство, культурный, исторический, языковой конденсат, «мировую Одиссею с открытым финалом» [6, с. 26].

Фундаментом романа становятся такие единицы, обозначить которые наиболее приемлемо словом «пучки», ведь они «обладают структурой спутанности, тканья, переплетения, которое позволяет разойтись различным нитям и различным линиям смысла — или силы — и при этом готово связать другие из них» [5, с. 379]. Подобные новообразования порождают в момент прочтения сотни образов, связанных с ними, и являются объектами анализа целого ряда джойсоведов [10; 22; 23]. Считается, что книга не поддается пониманию без специальных «ключей», составленных к ней ценителями творчества Дж. Джойса.

Языковая конденсация смыслов позволяет выразить информацию более экономичным способом, презентовать ее при помощи ограниченного набора конвенций, при этом давая ключи для ее декодирования. В сознании носителя языка именно способность слова «члениться» становится основным средством расшифровки новообразования [3, с. 61]. Языковая конденсация смысла в художественном произведении может быть продиктована не только стремлением писателя к уплотнению, но и намерением выразить в слове особую эмотивную составляющую.

щую, что, в частности, демонстрируется в технике потока сознания. Основной трудностью интерпретации конденсата при этом, бесспорно, является его омонимичность.

Англоязычные единицы Дж. Джойса, усложненные элементами других языков, нередко представляют собой такие семантические конденсаты, интерпретация которых требует учета огромного количества смысловых скреп и ассоциаций, где омонимичность также играет не последнюю роль. По подсчетам Б. Энгельхарта, исследовавшего славянские единицы в романе, элементы из русского языка среди них преобладают и составляют примерно 600–1000 единиц [11, р. 136]. Поскольку передача этих единиц в переводе обязательна для сохранения концептуального пространства романа, мы предприняли попытку начального анализа таких лексем и возможности их перевода на другие языки.

Изучение переводов также является ценным с точки зрения раскрытия в большей степени значения исходной индивидуально-авторской единицы. Это становится возможным, поскольку большинство переводов носит характер комментариев и представляет собой скорее переводческие интерпретации исходных единиц, а не их прямые соответствия.

Наше исследование включало в себя морфемный и словообразовательный анализ англоязычных индивидуально-авторских новообразований, а также комплексный сопоставительный анализ единиц оригинала и их немецких, испанских и русских переводных соответствий. Научная новизна и значимость работы заключается в том, что впервые объектом анализа стали лексические новообразования Дж. Джойса и их русские, немецкие и испанские переводные соответствия в романе «Поминки по Финнегану». Прежде мы концентрировались на анализе переводов менее перегруженного окказионализмами романа «Улисс» [19]. Исследуемые в данной статье переводы не только отличаются языками, но и разделены значительной временной дистанцией. Самыми поздними неслучайно стали русские версии отдельных частей произведения, ведь в российской культуре до сих пор отсутствует его полный перевод. Анализ проводится с целью обобщить переводческий опыт, выявить следование определенной переводческой стратегии, а также выделить определенные закономерности восприятия и перевода окказиональных единиц, в особенности тех, что содержат русскоязычные компоненты.

Русскоязычная лексика как особый элемент окказиональных новообразований Дж. Джойса

Как отмечалось ранее, в «Поминках по Финнегану» английский язык постоянно «встречается с единицами других лексических систем, которые вынуждают его мутировать окончательно и безвозвратно» [24, р. 24]. Русский язык также не стал исключением. Методом сплошной выборки нами были выделены 410 новообразований, предположительно содержащих элементы одного из славянских, преимущественно русского, языков, которые можно поделить на следующие тематические группы:

- 1) флора: *persiks* (персик), *dreevy* (дерево), *lissnaluhu* (леса, луга);
- 2) фауна: *motylucky* (мотыльки), *chaka* (чайка), *ptchjelasys* (пчелы), *vosch* (вошь), *sobarkar* (собака), *soloweys* (соловей), *muravyingly* (муравей);
- 3) общие понятия: *zimalayars* (зима), *lieto* (лето), *smertz* (смерть), *stranaslang* (страна), *umzemlianness* (земля);
- 4) предметы быта: *dwyergray*, *dvershen* (дверь), *komnate* (комната), *nitscnyk* (ночник);
- 5) культурные реалии: *dumagirls* (дума), *kabbaks* (кабак), *bullavogue* (булава); *isbar* (изба), *menshavik* (меньшевик);
- 6) обценная лексика: *doorak*, *duras*, *sukinsin*, *whold bludyn world*;
- 7) кулинарная лексика: *pitschobed* (печь, обед), *gotafit* (готовить), *malakoiffled* (молоко), *bulkis* (булки), *medoleys* (мед), *pivorandbowl* (пиво);
- 8) военная лексика: *bitvalike* (битва), *pulversporochs* (порох), *orussh-eying* (оружие), *minny* (мины), *huzzars* (гусары), *palignols* (пали);
- 9) оценочная лексика: *horrasure* (хорошо), *dovolnoisers* (довольно);
- 10) церковная лексика: *sbogom* (бог), *slobabogue* (слова, бог), *cursebog* (бог), *wenchalows* (венчание), *raskolly* (раскол), *zirkuvy* (церковь), *the chort* (черт), *djowl* (дьявол), *vieras* (вера), *Holygyssia* (святая Русь), *obras* (образ), *monacheena* (монахиня);
- 11) именованя людей: *babooshkees* (бабушка), *barishnyas* (барышня), *plumyumnietics* (племянницы), *babalong* (бабы), *mujikal* (мужик), *zhanyzhonies* (жены), *karhags* (карга), *cheloven* (человек);
- 12) анатомическая лексика: *umvolosy* (волосы), *danyazade* (зад), *ouchyotchy* (очи);
- 13) антропонимы: *Chorney Choplain* (черный, Каплан), *Ardreetsar King* (Андрей, царь), *Sweatoslaves* (Святослав);
- 14) топонимы: *Baltiskeamore* (Балтийское море), *newsky prospect* (Невский проспект), *Novgolosh* (Новгород), *See vaast a pool* (Севастополь), *Arbatos* (Арбат), *Parsuralia* (Урал), *Krumlin* (Кремль).

Культурные реалии нередко связаны с определенной эпохой: царской (*yastsar*, *царь*), советской (*menshavik*, меньшевик; *bulsklivism*, большевизм; *grozarktic*, Гроза Арктики) и т. д.

Взяты вне контекста, приведенные примеры могут казаться весьма спорными. Необходимо, однако, учитывать, что при создании выборки мы руководствовались смысловым контекстом, а не чисто формальными критериями межъязыкового подобия на морфемном уровне.

Отдельное поле составляет лексика водной тематики и, соответственно, включение в состав окказиональных единиц названий рек. Вступая в «поток языка», автор стремился передать «текучесть временных и пространственных ситуаций, а в конечном счете текучесть самого лингвистического аппарата» [9, с. 351]. К этой группе можно отнести такие единицы, как *vodaschauts* (вода), *morandmor* (море), *pratschkats* (прачки), *dneepers* (Днепр).

В англоязычные единицы инкорпорируются практически все части речи, включая глаголы (*pilipili* (пили), *estout* (есть), *sobralasolas* (собра-

лась)), прилагательные (*noviny* (новый)), *naggin* (нагой), *rooskayman* (русский)), числительные (*amplopervious* (первый), *twa* (два)). В процентном соотношении, безусловно, доминируют существительные (*sobranje-women* (собрание), *vremyament* (время)).

Вхождение иноязычных слов в англоязычную ткань романа «Поминок по Финнегану» наблюдается не только на лексическом, но и на морфологическом уровнях. Попадая в текст, подобные единицы, например, могут сопровождаться английским артиклем (*the skattert, a stroka*) или оформляться английским аффиксом. Так, прилагательное *molodetzious* образовано путем присоединения к русскому слову *молодец* английского суффикса *-ous*. Неологизмы часто завершаются окончанием *-s*, типичным в английском языке (*zirkivs* (церковь)). Используется притяжательный падеж, оформленный апострофом с *s* (*the karman's loki, as glovar's metins*).

Каламбуры Дж. Джойса нередко строятся на обыгрывании подобия фонетического звучания между разными иноязычными лексемами. Единицы, образованные с этой целью, распадаются на значимые для англоязычного читателя элементы, но при произнесении сохраняют связь с иной языковой средой. Так, в истории о русском генерале в бытовом лексиконе появляется глагол *gatovit*, который можно разложить следующим образом: *gat* 'ружье, пистолет' и глагол русского языка «готовить». Существительное *trovatarovitch* ассоциируется с русским словом «товарищ» и, как нам кажется, содержит английскую лексему *tar* (смола). Именно смола использовалась на Руси для защиты от врагов во время снятия осады. Здесь также просматривается типичная для русского языка форма мужского отчества с окончанием на *-ович*.

Приведем еще один пример подобной «объемной» лексемы:

Where once we led so many car couples have follied since. *Clatchka!* Giving Shaughnessy's mare the hillymount of her life [15, p. 623].

Индивидуально-авторское новообразование *clatchka* предположительно становится основой следующих ассоциаций: 1) *klatsch* (нем. 'слухи, сплетни'); 2) *latch* (англ. 'отмычка') — связь с понятием «ключ»; 3) *кляча* (рус.) — компонент, подкрепленный введением единицы *mare* (англ. 'кобыла'); 4) *качка* (рус.) — поддерживает катафорическую связь с эпизодом о русском генерале, где моряк регулярно упоминал это явление. Существительное *car* (англ. 'машина') также подразумевает качку и открывается ключом. Проанализированная лексема — лишь один из многих примеров языковой конденсации смыслов, фонетического обыгрывания и установления многомерных связей внутри, казалось бы, компактной единицы.

Можно выделить еще одну особенность использования славянской лексики писателем. Зачастую он следует принципу дублирования иноязычных слов соответствующим по значению английским словом в близком контексте: *no voida water; vlossyhair; ne not him, postleadeny past; Most Highest Ardreetsar King, chaka a seagull, parasama to himself*.

Triely and rurally. *Bladyughfoulmoecklenburgwhurawhorascortastrumpapornanennykocksapastippatupperstrippuckputtanach, eh? You have it alright* [15, p. 90].

В авторском неологизме из 100 букв содержатся обозначения распутной женщины на разных языках. Помимо русскоязычной лексемы можно выделить как минимум следующие обозначения распутной женщины, блудницы: *porna* (греческий), *scortum* (латинский), *whore* (английский), *Hure* (немецкий), *hore* (норвежский), *kekše* (литовский), *puttanna* (итальянский).

Таким образом, становится очевидным, что введение Дж. Джойсом в текст романа иноязычной лексики, в том числе русскоязычных корней, позволяет писателю превратить новообразование во вместилище пестрых значений. Задача переводчиков — максимально передать читателю все многоязычные «ключи», которые позволят открывать новые варианты и возможности прочтения произведения.

Роман Дж. Джойса «Поминки по Финнегану»: особенности интерпретации

Рассматривая вопрос о переводе индивидуально-авторских новообразований Дж. Джойса, необходимо отметить, что далеко не все переводчики, которые брались за работу с произведением «Поминки по Финнегану», сумели завершить начатое. Не в последнюю очередь причина этого кроется в том, что текст романа выходит за рамки одного языка, как указывает Ж. Деррида, находится между языками и поэтому уже сам и есть перевод [6, с. 18]. Наш анализ базируется на полном переводе романа на немецкий (переводчик Д. Штюдель) и испанский (М. Забалой) языки. Кроме того, были изучены отрывки романа на русский (переводчики А. Рене, А. Волохонский) и немецкий (И. Горн, Р. Венингер, Ф. Ратъен) языки.

Рассуждая о переводимости многоязычных текстов, П. О'Нил рассматривает существование трех возможных стратегий перевода «Поминки по Финнегану», которые исследователь обозначил как конкурентивную (*competitive*), объясняющую (*explanatory*) и имитирующую (*imitative*) [20, p. 288]. Первая, конкурентивная, стратегия подразумевает компенсацию потерь за счет введения в текст принимающей культуры новых элементов, постоянные попытки деформации языка перевода подобно тому, как это делал Дж. Джойс с английским языком. Переводчик вынужден добавлять единицы в языке перевода с целью воссоздания полифонического эффекта. И действительно, он имеет на это право, ведь, согласно теории Серля, все, что осознается нами, может быть выражено единицами языка, а если таковых не существует, всегда есть возможность их создания (*the principle of expressibility*) [21, p. 16]. По нашему предположению, именно такой стратегии, например, придерживался немецкий переводчик Д. Штюдель.

Вторая тенденция, или «объясняющая», напротив, неизбежно приводит к сокращению объема заложенной Дж. Джойсом информации. Такой перевод звучит более понятно и привычно для читателя, поскольку избегает всех «острых» углов и шероховатостей языка. К такой стратегии в ряде случаев прибегает испанский переводчик М. Забалой.

Наконец, третья стратегия подразумевает, что переводчики вообще не считают себя таковыми, они скорее создают свою собственную версию романа на родном языке, сопровождая ее внушительным массивом переводческих комментариев. К такой стратегии перевода можно отнести работу нидерландских переводчиков Э. Биндервота и Р.Я. Хенкеса, а также версию А. Волохонского, который сам называет свои опыты «переложением».

В качестве примера переводов рассмотрим отрывок из басни профессора под названием «The Mookse and the Gripes» («Слизица и Винегрет» (А. Рене)). Отрывок выбран для анализа, поскольку предположительно содержит иноязычные включения и переведен на немецкий язык пятью переводчиками, при этом были также найдены один русский (к сожалению, А. Волохонский не приступал к переводу этого отрывка) и испанские варианты.

A Mookse he would a walking go (My hood! Cries Antony Romeo) so one grandsumer evening... he put on his impermeable, seized his impugnable, harped on his crown and stepped out of his immobile De Rure Albo (socolled becauld it was chalkfull of masterplasters and had borgeously **letout** gardens strown with cascadas, pinta-costecas, horthoducts and currycombs) and set off from **Ludstown** a spasso to see how badness was badness in the weirdest of all pensible ways [15, p. 152].

Ein Mookse der möcht' eins walken gehen (My hood! schreit Antony Romeo), also an einem grandsumer abend... legte er an seinem impermeabel, hob hoch seinen impugnabel, harpft auf seine krone und schritt heraus aus seinem immobil *De Rure Albo* (sogeeissen wheiss kreidsfull von meistermörtelstucker stickte und von kaskadas, pintacostecas, horthodukten und kaskadens strohzend borgeosische **letoute** gärten hatte) und machte sich auf von **Ludstown** *a spasso* um zu sehen wie bösenis wäre bösenis im dem weirdesten aller pensiblen wege [12, S. 99].

Ein Muhkus der paszieren geht (Mei Huot! Antrom Reiser fleht), all so an einem prachtsumererlich abvend... da zog er an sein ergendicht, begreiferte sein anfechtgryffing, harfte auf seine krohne und schritt aus seinem immobilien *De Rure Albo* (sogespachtelt weiß kalkvoll war der meisterbeiwker und borgio **sausgehangene** gärten hatte, die bestreht waren mit kaskaders, pfings-takostaecks, hortendogsen und katerkomben) und machte sich dann *a spatzo von Götzwill* auf um zu sehen wie schlechtigkeits schlechtigkeits war im seltlichsten aller dünklichsten weiten [13, S. 116].

Ein Mauchs er pflegte spazieren zu gehen (Mein Hut! schreit Antonius Romeo), so eins Großsumersabends... zog er seinen Wasserdichten an, ergriff seinen Einwändigen, haarfte seine Krone auf und trat heraus aus seinem immobilien *De Rure Albo* (sobekalkfteil es kreidvoll war von Meisterstuckn und borgeös ausgelegte, mit Kaskadern, Pintakosthekern, Horthodukten und Katerkämmen **bestreihete** Gärten hatte) und macht sich *a spasso* von **Ludsstadt** auf zu sehen wie Schlechtigkeits Schlechtigkeits war in der gespinsten aller löblichen Weisen [16, S. 7].

Ein Mauhser, er wollte einen Spatzirrgang untellnehmän (Mein Juttess! schreikt Antoni Romdeo), so geschar es eines Huchsumer Erbens... zug er sein

Apweishnddes an, ergriff sein Ahnfechtbares, haffte auf seine Grohne und stackste aus seiner Immobilie *Von weißer Landschaft* heraus (sockenannt weihl es ein kraidvoll MeißelWerken war und bürgerlich **ahngeleckte** Gerten mit Kackskadten, Pengstarosen, Gartquerdukte und Kattagrotten verstreht hatte) und machte sich zu seinem *Spafzierring* von **HerrnsStadt** auf, um zu sehen, wie geschuftig die Geschuftigkeit in der schlämmsten aller dunkbaren Weisen war [14, S. 152].

Un Muxorro a la caminata (Qué Pucha! grita Antony Romeo) así que víspera de un **granestío**... se puso su impermeable, tomó su impugnale, insistió con su corona y salió de su inmóvil De Rure Albo (apodasí bicolde la tizaborra de mastroyesos y tenía jardines borgeosamente **sueltos** sembrados de cascadas, pinacostecas, hortoductos y almohazas) y partió desde **Ludstown** a spasso para ver cómo la maldad era la maldad en la más bizarra de todas las maneras pensibles [17, p.152].

Г-н Слизица пошел в прогул как попрыгун (клобук на отсечение! — вопиет Антоний Римео), шумируя от **вечерней жары**... а потом надел свою непроницаемость, схватил свою неопровержимость и, венец намостив, покинул свою недвижимость в Белликой Топальбе (это ознобначало, что она была мелоизвестна своими риформастерами и бургджуозно **ростогнувшимися** садами, усыпанными каскападами, спинакошатницами и портодоками с хатакормами) и пошел из **Люддограда** по странствия, дабы убедиться, что дело аса провалиться в этой смуте из всемнужных делов [7].

Данный отрывок — это история или басня, насквозь пронизанная интертекстуальными элементами, которые необходимо учитывать в процессе перевода. В содержательном плане происходит синтез как минимум трех эпох: античной (Эзоп и его басня «Ворона и Лисица»), средневековой (У. Шекспир и его произведения «Антоний и Клеопатра», «Ромео и Джульетта», «Король Лир»; Сервантес «Дон Кихот»), современной (Л. Кэрролл и его книга «Алиса в Стране чудес», персонажи Черепаха Квази и Грифон). Привычное восприятие читателя начинает перестраиваться с первых строк отрывка, чему способствует пародийная форма и особый стиль повествования. Шаблонное мышление трансформируется также в связи с постоянными отсылками к религиозной тематике (мотивы: Ватикан, Адриан IV, Борджиа и т.д.). Среди целой группы окказиональной лексики выделим две единицы, которые, возможно, содержат элементы славянской лексики: *Ludstown* и *letout*.

Окказиональная лексема *letout* выделена нами по причине того, что писатель, как было выявлено в результате анализа, часто следует принципу дублирования иноязычных слов соответствующим по значению английским словом в близком контексте (в данном отрывке в словосочетании *grandsummer evening* — *summer* (лето)).

Letout: *letoute* (И. Горн), *sausgehangene* (Р. Венингер), *bestreihete* (Ф. Ратьен), *ahngeleckte* (Д. Штюдель), *suelos sembrados* (М. Забалой), *ростогнувшимися* (А. Рене).

Как видно, ни один из переводчиков не установил связь данной единицы с лексемой «лето», включая русского переводчика А. Рене. В качестве способа перевода использовалась транскрипция/транслитерация (И. Горн), узальная единица (М. Забалой), но чаще предлага-

лись окказиональные слова, созданные на базе родного языка. Окказиональное новообразование Дж. Джойса рассматривалось как слияние двух элементов (наиболее очевидная трактовка: *letout* = *let* + *out* — освобождать, расширять, распускаться). Отталкиваясь от этих значений, переводчики предложили: *sausgehangene* (ассоциации: *ausgehen* — выходить, выпускать, *sausen* — свистеть (о ветре)), *bestreihete* (ассоциации: *bestreihen* — развешивать, покрывать, *streichen* — зачеркивать, вычеркивать), *ahngeleckte* (ассоциации: *angelegt* — созданный, открытый, *lecken* — протекать, ускользать, *ahnen* — предвидеть); *rostognuvshimisia* (ассоциации: растягиваться, расторгать).

Еще более сложным для интерпретации оказывается топоним *Ludstown*.

Ludstown: *Ludstown* (И. Горн), *Götzwill* (Р. Венингер), *Ludsstadt* (Ф. Ратъен), *HerrnsStadt* (Д. Штюдель), *Ludstown* (М. Забалой), Люддоград (А. Рене).

Расшифровка топонима Дж. Джойса здесь напрямую зависит от кругозора реципиента, его интерпретационные возможности неисчерпаемы. Помимо связи с русским словом *люди*, немецкой лексемой *das Lude* (отмычка) можно выделить и другие ассоциативные ряды. Так, например, Людом называли Лондон во времена Шекспира. Несмотря на то, что «автоматическая» передача географических названий со значимым компонентом в художественном тексте транскрипцией/транслитерацией давно потеряла свою актуальность, этим способом воспользовались два переводчика (И. Горн, М. Забалой). Смысловый элемент в их версиях оказывается непереданным в полной мере. Относительно второго элемента новообразования *town* трое переводчиков пошли по пути «доместикации», заменив его немецким *Stadt* (Ф. Ратъен, Д. Штюдель) и *град* (А. Рене). Межъязыковая передача первой части топонима свидетельствует о выборе разных стратегий. Ф. Ратъен передает звуковую оболочку слова, Д. Штюдель, напротив, — только значимый компонент. Перевод А. Рене можно назвать попыткой сохранить как форму, так и содержание. Свой вариант он подкрепляет обширными комментариями. Это, действительно, важно, поскольку почти все имена собственные в романе не только окказиональны, но и аллюзивны, а значит, необходимо предоставлять читателю ключи к расшифровке топонимов и связанных с ними ассоциаций.

Самым далеким от оригинала кажется переводческое решение Р. Венингера. Его *Götzwill*, на первый взгляд, теряет ассоциативную связь с Лондоном. С другой стороны, второй компонент лексемы *-will* можно трактовать как дополнительную аллюзию на имя Шекспира (*William*), отсутствующую в оригинальном тексте. Профессиональная карьера писателя, бесспорно, была неразрывно связана с английской столицей.

Таким образом, «непереводимые» единицы Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану», созданные писателем намеренно и призванные отражать особую авторскую картину мира, как раз нуждаются в интерпретации на других языках с целью разгадки замысла автора.

При межъязыковой трансляции подобных новообразований переводчики вынуждены прибегать к различным стратегиям, сокращая объем, внедряя массивные комментарии или компенсируя потери за счет деформации языка перевода подобно тому, как это делал Дж. Джойс с английским языком. Все они стараются передать максимальное количество коннотаций, заложенных автором. В случае, когда речь идет о присутствии расширения англоязычного дискурса за счет инкорпорирования элементов из других языковых систем, в частности русского языка, задача непомерно усложняется. Сквозь призму славянской лексики английские слова получают не только новое звучание и написание, но и значение. Передача смыслового компонента необходима, но не всегда возможна, учитывая словообразовательные особенности языков перевода. Дальнейший детальный анализ выявленных многоязычных окказиональных единиц в романе, а также их переводных немецких, испанских и русских соответствий позволит сделать некоторые значимые выводы относительно использования переводческих приемов для их трансляции и границ возможности передачи языковой анти-нормы в художественном произведении.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М., 2014.
2. Геніева Е. И снова Джойс... М., 2011.
3. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: вводный курс. М., 2004.
4. Грифцов Б. А. Психология писателя. М., 1988.
5. Деррида Ж. Различание // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 377–402.
6. Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб., 2002.
7. Джойс Дж. На помине Финнеганов (пер. с англ. А. Рене). URL: http://samlib.ru/r/rene_a/113.shtml (дата обращения: 25.07.2019).
8. Шишкин М. Буквы на снегу: три эссе. М., 2019.
9. Эко У. Поэтики Джойса. СПб., 2003.
10. Derrida J. Two words for Joyce // Derrida and Joyce: texts and contexts. N.Y., 2013. P. 22–41.
11. Engelhart B. Breeder to Sweatoslav: Form and Funktion des Slawischen Wortmaterials in Joyces Work // European Joyce studies. Amsterdam, 1999. P. 135–144.
12. Joyce J. Kapitel 1.6 (übersetzt von I. Horn) // J. Joyce Finnegans Wake: gesammelte Annäherungen. Frankfurt a/M, 1989. S. 73–115.
13. Joyce J. Kapitel 1.6 (übersetzt von R. Weninger) // J. Joyce Finnegans Wake: gesammelte Annäherungen. Frankfurt a/M, 1989. S. 116–123.
14. Joyce J. Finnegans wehg (übersetzt von Dieter H. Stündel). Frankfurt a/M, 1993.
15. Joyce J. Finnegans' Wake. L., 2012.
16. Joyce J. Geschichten von Shem und Shaun (übersetzt von F. Rathjen). Berlin, 2012.
17. Joyce J. Finnegans wake (traducido por M. Zabaloy). Avellaneda, 2016.
18. Mitchel A. J. Meaning postponed: the post card and Finnegans wake // Derrida and Joyce: texts and contexts. N.Y., 2013. P. 145–163.
19. Naugolnykh E., Nesterova N. The language norm and deviation in the context of literary translation (based on Ulysses by James Joyce) // Sprache verstehen, verwenden, übersetzen. Innsbruck, 2018. S. 377–383.

20. *O'Neill P.* Impossible Joyce: Finnegans Wakes. Toronto, 2013.
21. *Searle J.* The Principle of expressibility // Searle J. Speech acts. Cambridge, 1999. P. 1 – 21.
22. *Senn F.* Noch mehr über Joyce: Streiflichter. Frankfurt a/M, 2012.
23. *Szczerbowski T.* Anna Livia Plurabelle po polsku. Krakow, 2000.
24. *Taylor-Batty J.* Multilingualism in modernist fiction. N.Y., 2013.

Об авторе

Евгения Андреевна Наугольных – канд. фил. наук, доцент, Пермская государственная фармацевтическая академия, Россия.

E-mail: pulina_jane@mail.ru

The author

Dr Evgeniya A. Naugolnykh, Associate Professor, Perm State Pharmaceutical Academy, Russia.

E-mail: pulina_jane@mail.ru